

Проблемные аспекты применения меры пресечения в виде запрета определенных действий

Резюме. В статье анализируются некоторые проблемы избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий. Так, автор солидаризируется с учеными, усматривающими главное отличие запрета выхода из жилого помещения от домашнего ареста в том, что домашний арест не предполагает выхода из жилого помещения, в то время как запрет на выход подразумевает установление периодов, в течение которых он действует. Запрет на приближение к определенным местам может распространяться как на объекты, непосредственно связанные с преступлением, так и на некоторые объекты, сходные с теми, в отношении которых осуществлялись неправомерные действия. Запрет общения с определенными лицами подразумевает указание конкретных анкетных данных этих лиц, однако в практической деятельности зачастую это невозможно. В подобных ситуациях запрет носит «родовой» характер, реагирование на нарушение запрета производится в связи с обращением соответствующего лица на действия обвиняемого (подозреваемого). Запрет на управление транспортным средством распространяется исключительно на дела, связанные с нарушением транспортного законодательства. Предлагается законодательно расширить сферу действия данного запрета за счет тех преступлений, которые совершались с использованием транспортных средств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; предварительное расследование; меры принуждения; меры пресечения; запрет определенных действий; заключение под стражу; домашний арест; запрет выхода из жилого помещения; судебный порядок избрания мер пресечения; срок действия меры пресечения

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Проблемные аспекты применения меры пресечения в виде запрета определенных действий. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 19–30. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.019-030

Problematic Aspects of Application of Prohibition of Certain Actions as a Preventive Measure

Vladimir Yu. Stelmakh

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes some problems of choosing a preventive measure in the form of a prohibition of certain actions. Thus, the author associates himself with researchers who see the main difference between the prohibition on leaving a residential building and house arrest in that house arrest does not imply leaving a residential building, while the prohibition of leaving implies the establishment of periods during which it is valid. The prohibition of approaching certain places may apply both to objects directly related to the crime, and to some objects similar to objects in respect of which illegal actions were carried out. The prohibition of communication

with certain persons implies the indication of specific personal data of these persons, but in practice this is often impossible. In such situations, the prohibition is «generic» in nature, the response to violation of the prohibition is made in connection with the appeal of the relevant person to the actions of the accused (suspect). The prohibition on driving a vehicle applies exclusively to cases involving violations of transport legislation. It is proposed to legislatively expand the scope of this prohibition at the expense of the crimes that were committed using vehicles.

Keywords: criminal proceedings; preliminary investigation; coercive measures; preventive measures; prohibition of certain actions; detention; house arrest; prohibition of leaving residential premises; judicial procedure for choosing preventive measures; duration of the preventive measure

Cite as: Stelmakh VYu. Problematic Aspects of Application of Prohibition of Certain Actions as a Preventive Measure. *Lex russica*. 2024;77(8):19-30. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.019-030

18 апреля 2018 г. в УПК РФ была закреплена новая мера пресечения — запрет определенных действий¹. Указанная мера пресечения весьма активно применяется в процессе расследования. Так, в 2021 г. судами было рассмотрено 5 063 ходатайства об избрании запрета определенных действий, 4 709 из которых удовлетворено²; в 2022 г. рассмотрено 3 464 ходатайства, удовлетворено 3 085³; в первом полугодии 2023 г. рассмотрено 2 205 ходатайств, удовлетворено 1 939⁴. Следует отметить, что данная мера пресечения на протяжении всех рассматриваемых периодов избиралась в среднем в 19,6 раз реже, чем заключение под стражу, и в 1,6 раза реже, чем домашний арест. Вместе с тем основная проблема состоит не в том, что запрет определенных действий не стал полноценной заменой названным мерам пресечения⁵. Он изначально не задумывался как полная альтернатива заключению под стражу и домашнему аресту и не был призван исключить избрание данных мер. Запрет определенных действий, безусловно, сделал систему мер пресечения более вариативной⁶ и занял собственную нишу в этой системе.

За 6 лет действия данной меры пресечения практика применения входящих в ее нормативную конструкцию запретов сформировалась и стабилизировалась. Следует учесть, что в некоторых ситуациях практическая деятельность развивается не совсем в том направлении, в котором планировалось при принятии ст. 105.1 УПК РФ. Некоторые трудности применения запретов носят объективный характер, они вряд ли могут быть полностью устранены, однако это не означает неэффективность в целом анализируемых норм.

В соответствии со ст. 105.1 УПК РФ содержание данной меры пресечения составляют:

- 1) обязанность обвиняемого (подозреваемого) своевременно являться по вызовам органа предварительного расследования или суда;
- 2) возложение на обвиняемого (подозреваемого) специальных запретов, перечисленных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Нетрудно заметить, что общая обязанность, если раскрывать ее содержание как бы «от противного», повторяет одно из оснований избрания мер пресечения — предотвращение возможности скрыться от дознания, предва-

¹ Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 242.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79/.&item=6120> (дата обращения: 31.03.2024).

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/F1-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 31.03.2024).

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 1-е полугодие 2023 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/_F1-svod-vse_sudy-1-2023.xls (дата обращения: 31.03.2024).

⁵ См.: Марковичева Е. В. Трансформация домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном процессе // Правосудие. 2023. № 3. С. 23–26.

⁶ См.: Хатуаева В. В. Запрет определенных действий — новелла в системе мер пресечения // Законодательство. 2019. № 8. С. 82–85.

рительного следствия или суда (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ). Возникает вопрос, должна ли мера пресечения в виде запрета определенных действий гарантировать реализацию иных оснований — предотвращения возможности продолжать заниматься преступной деятельностью либо противодействовать судопроизводству (п. 2, 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ), либо же в силу специального указания, прямо закрепленного в ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ, запрет определенных действий преследует достижение единственной цели, заключающейся в том, чтобы воспрепятствовать сокрытию обвиняемого (подозреваемого) от судопроизводства.

Очевидно, что запрет определенных действий, являясь обычной, ординарной мерой пресечения, может быть избран для реализации всех оснований избрания данных мер. В противном случае рассматриваемая мера пресечения утрачивала бы свой смысл. Кроме того, «предотвращение возможности скрыться» и «обеспечение явки» — хотя и близкие по содержанию, но далеко не одинаковые явления. Явка в орган предварительного расследования — более узкая по содержанию обязанность в сравнении с недопущением сокрытия от органа судопроизводства.

Общая обязанность и соблюдение запретов находятся в неразрывной связи, составляют единый комплекс правовых и организационных средств для достижения общих целей, обусловленных основаниями избрания мер пресечения. Комплексный характер проявляется в том, что, с одной стороны, общая обязанность реализуется именно посредством соблюдения запретов, а с другой стороны, количество и сочетание запретов должны обеспечить эффективное соблюдение общей обязанности.

Законодатель допустил возможность применения некоторых запретов, предусмотренных статьей 105.1 УПК РФ, в рамках таких мер пресечения, как залог и домашний арест⁷. Это обстоятельство обусловило выдвижение рядом процессуалистов тезиса об одновременном избрании к обвиняемому двух мер пресечения⁸. Однако на самом деле это не так. Мера пресечения избирается одна, но возник новый феномен — усиленные меры пресечения, с

добавлением запретов и ограничений, присущих другой мере пресечения. Такая конструкция позволяет повысить эффективность действия мер пресечения, добиться реализации поставленных перед ними целей. Важно, что «усиливающие» ограничения принципиально не противоречат характеру меры пресечения, которую они «усиливают». Более того, в законодательстве Российской Федерации и ранее существовал сходный феномен — одинаковые ограничения в рамках различных мер пресечения. В частности, нормы, касающиеся таких мер пресечения, как личное поручительство и наблюдение командования воинской части, в части налагаемых на обвиняемого ограничений содержали отсылку к ст. 102 УПК РФ, где были закреплены обязанности лица, в отношении которого избрана мера пресечения, — являться по вызовам следственных и судебных органов и не препятствовать судопроизводству. Однако на этом основании в теории не делались выводы об одновременном избрании двух или трех мер пресечения к одному обвиняемому.

Законодатель посчитал число и характер закрепленных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запретов достаточными для достижения цели, поставленной перед рассматриваемой мерой пресечения. Весьма показательно, что нормативная конструкция ст. 105.1 УПК РФ не содержит обязанности обвиняемого (подозреваемого) не покидать и не изменять место своего жительства без разрешения следователя либо суда. При этом нельзя сказать, что данная обязанность, присущая наименее строгим мерам пресечения (подписке о невыезде и надлежащем поведении, личному поручительству), автоматически распространяется на запрет определенных действий.

Во-первых, содержание конкретной меры пресечения составляют те ограничения, которые предусмотрены в норме УПК РФ, регламентирующей данную меру пресечения. В уголовно-процессуальном законе нет единой универсальной нормы, содержащей перечень запретов и ограничений, распространяемых на все меры пресечения. Точнее, такой нормой в определенном смысле выступает именно статья 105.1 УПК РФ, поскольку в силу прямого

⁷ См.: Азаренок Н. В. Основания и порядок избрания запрета определенных действий // Уголовное право. 2018. № 54. С. 110.

⁸ См.: Федюнин А. Е., Перетягко Н. М. Вопросы совершенствования правовой политики в области применения запрета определенных действий как меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 178.

указания закона закрепленные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запреты могут быть возложены на обвиняемого (подозреваемого) при избрании таких мер пресечения, как залог и домашний арест. Однако возможность подобного комбинирования носит локальный характер, ее пределы строго очерчены законом и касаются, как было упомянуто, только двух мер пресечения, помимо рассматриваемой, — залога и домашнего ареста.

Во-вторых, хотя УПК РФ и выстраивает перечень мер пресечения в определенной иерархии в зависимости от их строгости (от наименее строгой до наиболее строгой), тем не менее не все ограничения, присущие менее строгим мерам, автоматически включаются в содержание более строгих мер пресечения⁹. Иными словами, нельзя утверждать, что повышение уровня строгости мер пресечения осуществляется только в силу того, что, оставляя все ограничения, присущие менее строгим мерам, законодатель добавляет в процессуальную конструкцию более строгой меры еще одно ограничение. Очевидно, что при регламентации мер пресечения законодатель придерживается иной концепции: некоторые меры пресечения предусматривают принципиально различающиеся, а не однородные запреты и ограничения, а строгость меры пресечения нарастает не в силу механического «прибавления» запретов, а в силу изменения их характера. В связи с этим сложно согласиться с авторами, предлагающим считать запрет определенных действий не мерой пресечения, а иной мерой процессуального принуждения только на том основании, что по степени сво-

ей строгости он не однозначно строже залога и мягче домашнего ареста¹⁰.

В рамках применения мер пресечения, предусмотренных статьей 105.1 УПК РФ, допустимо избирать только те запреты, которые перечислены в ее части 6. В научных работах справедливо обращается внимание на неправомерность избрания иных запретов, например не покидать пределов населенного пункта¹¹ либо не заниматься той или иной хозяйственной деятельностью¹².

Первый, самый строгий запрет заключается в недопустимости для обвиняемого (подозреваемого) выхода в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Данный запрет максимально близок к домашнему аресту, причем ни в науке, ни в правоприменительной практике нет единого мнения, в чем же состоит разница между указанными мерами пресечения. Системный анализ закона позволяет предположить, что домашний арест (в той редакции ст. 105 УПК РФ, которая была принята после нормативного закрепления запрета определенных действий) означает полную невозможность для лица покидать пределы жилого помещения¹³, в то время как запрет выхода из жилого помещения в рамках ст. 105.1 УПК РФ предполагает, что при избрании меры пресечения устанавливается определенный период, когда выход за пределы жилого помещения запрещен.

Вместе с тем запрет покидать жилище в рамках домашнего ареста не является абсо-

⁹ Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2017. С. 67–68.

¹⁰ См.: Ксендзов Ю. Ю. Меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста: вопросы их соотношения и практики применения // Право и политика. 2020. № 8. С. 67–84.

¹¹ См.: Костенко Д. С. Применение превентивных запретов определенных действий при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 131.

¹² См.: Александров А. С. Некоторые проблемы исполнения мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий // Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики» (Новокузнецк, 18–19 октября 2023 г.). Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. С. 12.

¹³ См.: Алексеев И. М., Данильян А. С., Данильян С. А. Домашний арест и запрет определенных действий: проблемы теории и практики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3 (53). С. 54–55 ; Удовиченко В. С., Сорокина С. А. Запрет определенных действий: актуальные проблемы теории и практики // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2 (38). С. 126.

лютым (даже помимо случаев участия обвиняемого (подозреваемого) в процессуальных действиях). Во-первых, он не распространяется на чрезвычайные обстоятельства, при которых нахождение в жилом помещении угрожает лицу гибелью или причинением вреда здоровью (пожар в доме, техногенная или природная катастрофа и т.п.). В подобных случаях нет никаких ни правовых, ни морально-этических оснований требовать от обвиняемого (подозреваемого) не выходить за пределы жилища, а выход расценивать как процессуальное нарушение. Во-вторых, выход из жилого помещения может быть допущен по гуманитарным обстоятельствам, хотя и не имеющим чрезвычайного характера, но негативно сказывающимся на здоровье лица (например, приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости в магазине, посещение поликлиники и т.п.).

Главное отличие нормативной конструкции домашнего ареста от запрета выхода из жилища в рамках ст. 105.1 УПК РФ состоит в том, что домашний арест предполагает установление изначального запрета покидать жилое помещение и одновременно с этим некоторые изъятия из общего запрета, прямо определяемые судом. Запрет в порядке ст. 105.1 УПК РФ состоит в том, что суд, напротив, устанавливает тот период, в течение которого выход из жилища запрещен, в остальное время указанный запрет не действует. При этом исходя из обстоятельств дела запрет выхода из жилого помещения в рамках ст. 105.1 УПК РФ может быть сформулирован как общий, но с исключениями, определяемыми следователем, например: «Установить запрет покидать жилище. Посещение обвиняемым медицинских организаций осуществлять с письменного разрешения следователя»¹⁴. Такой порядок не является делегированием следователю тех полномочий, которые принадлежат только суду, а лишь позволяет

именно следователю конкретизировать исключения из общего правила, что соответствует как сущности судебного контроля за расследованием, так и процессуальным полномочиям следователя.

В науке высказано предложение об ограничении сферы применения запрета на выход из жилого помещения только теми составами преступлений, которые предусматривают наказание в виде лишения свободы¹⁵. А. В. Гричаниченко обосновывает это сходством запрета с домашним арестом, который должен преимущественно назначаться только по преступлениям, предусматривающим наказание в виде лишения свободы¹⁶. Однако с такими предложениями сложно согласиться. Во-первых, запрет выхода из жилого помещения, как он установлен в ст. 105.1 УПК РФ, отнюдь не приравнивается к лишению свободы по характеру налагаемых ограничений. Во-вторых, запрет выхода из жилого помещения существенно мягче и домашнего ареста, поскольку он не предполагает невозможности покидать жилое помещение. Именно эта заведомая мягкость рассматриваемого запрета в сравнении с лишением свободы и домашним арестом свидетельствует о возможности его избрания и по тем преступлениям, которые не предусматривают наказания в виде лишения свободы. Законодатель совершенно сознательно разграничил в этом аспекте запрет определенных действий и домашний арест.

Второй запрет — находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них (п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ).

По сути, данная норма содержит три различных, хотя и близких по содержанию запрета: а) находиться в определенных местах либо приближаться к ним на установленное расстояние; б) посещать мероприятия; в) участвовать в мероприятиях.

¹⁴ Дело № 3/2-260/2019. Кассационное постановление Президиума Верховного Суда Республики Дагестан № 44У-141/2019 4У-510/2019 от 25.09.2019 // URL: http://судебные.решения.рф/https://sudact.ru/regular/doc/VDWqovNs23lx/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+105.1.+Запрет+определенных+действий%28УПК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=30®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1711969635543 (дата обращения: 31.03.2024).

¹⁵ См.: Шигурова Е. И., Шигуров А. В. Теоретические и практические проблемы применения запрета определенных действий в российском уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 4. С. 319–320.

¹⁶ Гричаниченко А. В. Запрет определенных действий и домашний арест // Уголовное право. 2019. № 6. С. 99–101.

Места, в которые ограничивается доступ, могут быть связаны непосредственно с расследуемым преступлением (например, место происшествия), а могут не иметь такой прямой связи (в частности, возможно избрание запрета на посещение подобных мест в зависимости от характера преступления — стадионов, концертных комплексов и т.п.).

Рассматриваемая серия запретов призвана исключить физическое нахождение лица в каких-либо местах либо его физическое участие в мероприятиях. То, что это необходимо в интересах судопроизводства, представляется бесспорным. Вместе с тем возникают вопросы по поводу характера ограничений, устанавливаемых в рамках данного запрета. В частности, не вполне ясно, как быть, если, например, лицо проживает на незначительном расстоянии от объекта, нахождение рядом с которым запрещается (например, стадион или магазин). В реальности обвиняемый (подозреваемый) будет по объективным причинам (выходя из дома и возвращаясь домой) проходить возле этого объекта. Непонятно, как определить, с какой целью лицо проходило мимо объекта — просто по дороге либо сознательно сближаясь с ним и, соответственно, образуют ли его действия неисполнение меры пресечения.

Запрет на участие в мероприятиях направлен на исключение возможности лица совершать противоправные действия либо развивать и публично озвучивать свою противоправную позицию в ходе тех или иных мероприятий. Данный запрет весьма актуален в некоторых субъектах Российской Федерации в силу национально-исторической специфики проведения тех или иных мероприятий¹⁷. В силу отмеченного фактора такой запрет направлен прежде всего на обеспечение физической невозможности

участия в мероприятиях. Однако в последнее время (как вследствие пандемии ковида, так и в силу развития информационных технологий) многие мероприятия проводятся в режиме онлайн. Очевидно, что суд с учетом конкретной ситуации совершения преступления и особенностей расследования вправе наложить на обвиняемого (подозреваемого) запрет на участие в мероприятиях и в режиме онлайн.

Сложность контроля за соблюдением запретов, входящих во вторую группу, обуславливает то обстоятельство, что они избираются весьма редко, на что обращается внимание в научной литературе¹⁸.

Третий запрет — общаться с определенными лицами (п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Этот запрет направлен на недопущение физического и психологического воздействия обвиняемого на лиц, располагающих значимой для дела информацией. При этом необязательно наличие у данных лиц статуса участников уголовного судопроизводства.

По смыслу закона в ходатайстве следователя и постановлении судьи должны быть указаны конкретные лица, на общение с которыми распространяется запрет. В судебной практике имели место случаи, когда неуказание подобных сведений расценивалось как нарушение закона и влекло изменение судебного решения¹⁹. В этом аспекте возможны затруднения. Например, по уголовным делам о хищениях в сфере долевого строительства либо по «финансовым пирамидам» может проходить очень много потерпевших и свидетелей, в связи с чем неясно, как даже технически указать их всех в процессуальном документе. Тем более что рассматриваемый запрет предполагает запрет общения не только с лицами, наделенными статусом участников уголовного судопроизводства, но и с

¹⁷ См.: *Рамазанов Т. Б., Керимова Е. Р.* Некоторые теоретические и практические вопросы применения запрета определенных действий в уголовном процессе // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2022. Т. 42. № 2. С. 174.

¹⁸ См.: *Колпакова Л. А.* Некоторые процессуальные вопросы исполнения мер пресечения в виде запрета определенных действий, домашнего ареста и залога в деятельности уголовно-исполнительных инспекций // *Пенитенциарная наука*. 2021. Т. 15. № 1 (53). С. 68; *Рудакова С. В.* Ограничение конституционных прав подозреваемого и обвиняемого при избрании меры пресечения — запрет определенных действий // *Пробелы в российском законодательстве*. 2021. Т. 14. № 1. С. 158; *Федулова И. И.* К вопросу о применении новой меры пресечения «запрет определенных действий» // *Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития*. СПб., 2020. С. 354–355.

¹⁹ Постановление Оренбургского областного суда № 22к-2417/2022. Обзор судебной практики апелляционной инстанции Оренбургского областного суда за III квартал 2022 г. Утвержден президиумом Оренбургского областного суда 31 октября 2022 г. // Официальный сайт Оренбургского областного суда. URL: http://oblsud.orb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=670 (дата обращения: 31.03.2024).

«фактическими» свидетелями и потерпевшими, точный круг которых на момент избрания меры пресечения может быть точно не установлен органами предварительного расследования. Более того, вряд ли целесообразно разглашать обвиняемому (подозреваемому) столь существенные для дела сведения (по сути — знакомить его с полным перечнем потерпевших и свидетелей), особенно на ранних этапах расследования. В этом случае избрание меры пресечения, напротив, лишь облегчит возможное противодействие судопроизводству со стороны обвиняемого (подозреваемого).

В практической деятельности подобная коллизия иногда преодолевается путем неопределенных формулировок: «запрет общаться с потерпевшими и свидетелями по делу», без указания данных об их личности. Однако здесь возникает еще более серьезная коллизия. Органы предварительного расследования не ведут реестр потерпевших и свидетелей по делу и не обязаны предоставлять список таких лиц обвиняемому (подозреваемому). Но тогда неясно, каким образом обвиняемый (подозреваемый) должен осознавать, что общение с данным человеком ему запрещено. Подобное знание предполагается по делам о преступлениях, совершенных в условиях очевидности, но по более сложным делам такого знания нет. Указанная ситуация крайне неопределенна и для обвиняемого (подозреваемого), поскольку контакт практически с любым лицом может быть расценен как нарушение условий исполнения меры пресечения, и для органов уголовного судопроизводства, так как, напротив, фактически конкретных ограничений для обвиняемого (подозреваемого) на общение с какими-либо лицами при избрании меры пресечения не устанавливается.

Слудет учитывать невозможность точного установления всего круга потерпевших и тем более свидетелей по ряду категорий дел, в том числе по тем, по которым избрание в качестве меры пресечения запрета определенных действий наиболее целесообразно (например, по мошенничеству в сфере долевого строительства). По смыслу закона для ограничения зна-

чим не просто факт общения, а его характер. Общение должно признаваться нежелательным, если в его рамках обвиняемый каким-либо образом влияет на поведение свидетеля или потерпевшего. Иными словами, если общение касается установления обстоятельств совершенного деяния и влияет на принятие по делу законного решения, оно должно осуществляться исключительно в рамках действий, предусмотренных УПК РФ, и не может носить неофициального, непроцессуального характера. Если же отмеченного влияния не происходит и обвиняемый даже не знает о связи свидетеля или потерпевшего с делом (например, свидетель или потерпевший работает продавцом в магазине, в котором обвиняемый приобретает продукты питания), никаких отрицательных последствий такое общение не вызывает.

Соответственно, соблюдение рассматриваемого запрета можно обеспечить посредством обращения свидетелей или потерпевших с заявлением о неправомерных действиях обвиняемого по факту совершения таких действий.

В научной литературе высказано мнение о необходимости дополнения данного запрета указанием на недопустимость приближаться к лицам, с которыми запрещено общаться, на установленное расстояние²⁰. Такое предложение, безусловно, заслуживает внимания, поскольку направлено на обеспечение безопасности соответствующих лиц, однако его реализация может вызвать значительные сложности. Во-первых, непросто определить критерии безопасности, не вполне понятно, из чего следует исходить — из расстояния, позволяющего физический контакт, либо расстояния, на котором доступно визуальное восприятие, либо чего-то иного. Во-вторых, крайне затруднительно добиться фактического исполнения такого запрета, поскольку нереально зафиксировать приближение именно на конкретное расстояние.

Сказанное в полной мере относится и к запрету такого вида поведения, как употребление спиртных напитков, что также иногда предлагается в научных работах²¹.

Четвертый и пятый запреты — отправлять и получать почтово-телеграфные отправления,

²⁰ См.: Андреева О. И., Зайцев О. А., Епихин А. Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 228.

²¹ См.: Бондаренко И. П. Особенности применения комбинированных мер пресечения в контексте внедрения в уголовный процесс запрета определенных действий // Российский следователь. 2021. № 1. С. 28.

использовать средства связи и сеть Интернет (п. 4, 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Они распространяются соответственно на движение информации с использованием услуг почтовой либо электро-связи²². При этом безусловно правы авторы, отмечающие необходимость обеспечения права обвиняемого (подозреваемого) пользоваться Интернетом для связи с защитником²³. Очевидно, что законодатель посчитал это положение само собой разумеющимся, в связи с чем в тексте закона оно прямо не закреплено. Следует обратить внимание и на то, что требуется несколько переосмыслить подход к пользованию Интернетом, поскольку в настоящее время с его помощью осуществляется научная или творческая деятельность²⁴. В связи с этим возникает вопрос, насколько правомерно наложение в рамках избрания меры пресечения данного запрета, если обвиняемый (подозреваемый) не отстранен от работы. Кроме того, в научных работах справедливо отмечается, что практически невозможно проконтролировать соблюдение всех запретов рассматриваемой группы обвиняемым (подозреваемым), свобода перемещения которого не ограничена первым запретом²⁵. Представляется, что указанные запреты в целом соответствуют конституционным нормам, однако их практическое избрание должно осуществляться в тех ситуациях, когда пользование средствами связи и Интернетом действительно противоречит интересам расследования.

Шестой запрет — управлять транспортным средством (п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Данный запрет строго ограничен только инкриминируемыми обвиняемому (подозреваемому) преступлениями, связанными с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Такое ограничение представляется вполне разумным, поскольку оно вытекает из характера совершенного преступления. Вместе с тем целесообразно распространить возможность подобного запрета на иные преступления (например, разбойные нападения,

незаконный сбыт наркотических средств или оружия), связанные с систематическим использованием транспортным средством.

Важен вопрос о реальном обеспечении указанных запретов. Технические средства контроля (электронные браслеты и трекары) эффективны только в ситуации первого запрета. На данном этапе развития техники вряд ли можно добиться сколько-либо действенного контроля посредством таких средств за соблюдением второго и третьего запретов. Нарушения этих запретов должны фиксироваться в основном из заявлений тех или иных лиц, которые подверглись негативному воздействию со стороны обвиняемого (подозреваемого). Конечно, мера пресечения необходима прежде всего для предотвращения отрицательного поведения обвиняемого (подозреваемого), но применительно ко второму и третьему запретам вряд ли возможно на данном этапе развития науки и техники применить такие средства контроля, которые зафиксировали бы все контакты обвиняемого (подозреваемого) с иными лицами.

Контроль за соблюдением шестого запрета обеспечивается прежде всего изъятием у обвиняемого (подозреваемого) водительского удостоверения (ч. 5 ст. 105.1 УПК РФ). Термин «водительское удостоверение» в рассматриваемом контексте носит более широкий характер и подразумевает любой документ, предоставляющий право управления транспортным средством. Не вполне ясно, должно ли изъятие данного документа проводиться в форме выемки либо каким-то иным способом. Очевидно, что подобное изъятие не является выемкой, поскольку представляет собой неотъемлемую часть меры пресечения. Разрешение на изъятие водительского удостоверения дается судом непосредственно в постановлении об избрании меры пресечения. Изъятие должно фиксироваться в процессуальном документе, практически совпадающем по содержанию и форме с протоколом выемки, причем в дан-

²² См.: Вилкова Т. Ю. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 44–47.

²³ См.: Литвина Л. М. Запрет определенных действий: шаг вперед // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 4 (42). С. 517.

²⁴ См.: Бамрадзе А. А., Белов Д. О., Калинин А. Н. О конституционности запрета на использование сети «Интернет» подозреваемым или обвиняемым // Юридические исследования. 2022. № 3. С. 19–32.

²⁵ См.: Белкин А. Р. Запрет определенных действий — хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 47; Федотов И. С. Домашний арест и запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 28.

ном документе необходимо указать ссылку на ст. 105.1 УПК РФ.

Помимо изъятия водительского удостоверения, допускается направление информации о наложенном на обвиняемого (подозреваемого) запрете в регистрационно-экзаменационное подразделение органа ГИБДД, а также ориентирование нарядов органа внутренних дел. Эти действия, носящие организационно-обеспечительный характер, сами по себе не представляют расширения границ запрета, установленного пунктом 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, и не влекут ограничения прав обвиняемого (подозреваемого) сверх предусмотренных законом пределов.

Из запретов, предусмотренных частью 6 ст. 105.1 УПК РФ, только первый запрет (на выход из жилого помещения) имеет срочный характер. При первоначальном избрании судом данного запрета его срок не может превышать срока предварительного расследования, и суд обязан указать конкретную дату, до которой действует запрет (как правило, дата окончания срока предварительного расследования на

момент возбуждения ходатайства об избрании меры пресечения). Впоследствии срок запрета может продлеваться с продлением срока расследования, однако установлены предельные сроки действия запрета: 12, 24 и 36 месяцев в зависимости от категории преступления.

Остальные предусмотренные частью 6 ст. 105.1 УПК РФ запреты избираются бессрочно и действуют на протяжении всего срока расследования²⁶, продление срока расследования влечет одновременное продление срока действия соответствующего запрета. В научной литературе правильно отмечается, что суды не должны устанавливать дату, до которой действуют запреты (кроме запрета выхода из жилого помещения)²⁷. Указание в постановлении судьи такого срока расценивается как нарушение закона и влечет изменение судебного решения вышестоящим судом путем исключения из него соответствующего положения²⁸ либо даже посредством полной отмены решения нижестоящего суда и направления материала на новое судебное рассмотрение²⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азаренок Н. В. Основания и порядок избрания запрета определенных действий // Уголовное право. 2018. № 54. С. 109–112.

Александров А. С. Некоторые проблемы исполнения мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий // Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики» (Новокузнецк, 18–19 октября 2023 г.). Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН, 2023. С. 10–13.

Алексеев И. М., Данильян А. С., Данильян С. А. Домашний арест и запрет определенных действий: проблемы теории и практики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3 (53). С. 53–57.

Андреева О. И., Зайцев О. А., Епихин А. Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 225–229.

Бамрадзе А. А., Белов Д. О., Калинин А. Н. О конституционности запрета на использование сети «Интернет» подозреваемым или обвиняемым // Юридические исследования. 2022. № 3. С. 19–32.

²⁶ См.: Гребнева Н. Н. Запрет определенных действий: теоретические и практические аспекты // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 4 (50). С. 118.

²⁷ См.: Харатишвили А. Г., Прошутинская А. А. Запрет определенных действий: два года действия новой меры пресечения // Правда и закон. 2020. № 1 (11). С. 42.

²⁸ Дело № 22-342/2018. Апелляционное постановление Суда Еврейской автономной области от 20.07.2018 // URL: <http://судебныерешения.рф/35229545?> (дата обращения: 31.03.2024).

²⁹ Дело № 3/11-2/2018. Кассационное постановление президиума Тверского областного суда № 44У-12/2019 44У-151/2018 4У-1274/2018 от 28.01.2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/JKRdlmtx5aNp/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+105.1.+Запрет+определенных+действий-%28УПК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=30®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1711969635543 (дата обращения: 31.03.2024).

- Белкин А. Р. Запрет определенных действий — хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 43–50.
- Бондаренко И. П. Особенности применения комбинированных мер пресечения в контексте внедрения в уголовный процесс запрета определенных действий // Российский следователь. 2021. № 1. С. 26–30.
- Вилкова Т. Ю. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 44–47.
- Гребнева Н. Н. Запрет определенных действий: теоретические и практические аспекты // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 4 (50). С. 116–119.
- Гричаниченко А. В. Запрет определенных действий и домашний арест // Уголовное право. 2019. № 6. С. 97–103.
- Колпакова Л. А. Некоторые процессуальные вопросы исполнения мер пресечения в виде запрета определенных действий, домашнего ареста и залога в деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 1 (53). С. 62–73.
- Костенко Д. С. Применение превентивных запретов определенных действий при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 130–132.
- Ксендзов Ю. Ю. Меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста: вопросы их соотношения и практики применения // Право и политика. 2020. № 8. С. 67–84.
- Литвина Л. М. Запрет определенных действий: шаг вперед // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 4 (42). С. 514–518.
- Марковичева Е. В. Трансформация домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном процессе // Правосудие. 2023. № 3. С. 23–26.
- Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2017. 226 с.
- Рамазанов Т. Б., Керимова Е. Р. Некоторые теоретические и практические вопросы применения запрета определенных действий в уголовном процессе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 42. № 2. С. 172–176.
- Рудакова С. В. Ограничение конституционных прав подозреваемого и обвиняемого при избрании меры пресечения — запрет определенных действий // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 1. С. 155–161.
- Удовиченко В. С., Сорокина С. А. Запрет определенных действий: актуальные проблемы теории и практики // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2 (38). С. 125–130.
- Федотов И. С. Домашний арест и запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 26–29.
- Федулова И. И. К вопросу о применении новой меры пресечения «запрет определенных действий» // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития. СПб., 2020. С. 352–355.
- Федюнин А. Е., Перетягко Н. М. Вопросы совершенствования правовой политики в области применения запрета определенных действий как меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 172–180.
- Харатишвили А. Г., Прошутинская А. А. Запрет определенных действий: два года действия новой меры пресечения // Правда и закон. 2020. № 1 (11). С. 39–46.
- Хатуаева В. В. Запрет определенных действий — новелла в системе мер пресечения // Законодательство. 2019. № 8. С. 82–85.
- Шигурова Е. И., Шигуров А. В. Теоретические и практические проблемы применения запрета определенных действий в российском уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 4. С. 318–322.

REFERENCES

- Alekseyev IM, Danilyan AS, Danilyan SA. House arrest and prohibition of certain actions: problems of theory and practice. *Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;3(53):53-57. (In Russ.).
- Alexandrov AS. Some problems of execution of preventive measures in the form of house arrest and prohibition of certain actions. In: *Proceedings of the 23rd All-Russian scientific and practical conference «The penal enforcement system today: Interaction of science and practice» (Novokuznetsk, October 18–19, 2023)*. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service; 2023. (In Russ.).
- Andreeva OI, Zaitsev OA, Epikhin A Yu. Prohibition of certain actions as a new security measure for a person in criminal trial. *Bulletin of Tomsk State University*. 2018;436:225-229. (In Russ.).
- Azarenok NV. The grounds and procedure for the election of a ban on certain actions. *Criminal Law*. 2018;54:109-112. (In Russ.).
- Bamradze AA, Belov DO, Kalinin AN. On the constitutionality of the prohibition of the use of the Internet by suspects or accused persons. *Legal Studies*. 2022;3:19-32. (In Russ.).
- Belkin AR. Prohibition of definite actions — is it well defined? *Judicial Authority and Criminal Process*. 2019;2:43-50. (In Russ.).
- Bondarenko IP. Peculiarities of application of combined restrictive measures within the framework of the introduction of a prohibition of specific actions in the criminal procedure. *Russian Investigator*. 2021;1:26-30. (In Russ.).
- Fedotov IS. House arrest and prohibition of certain actions as an alternative to detention. *Russian Justice*. 2019;3:26-29. (In Russ.).
- Fedulova II. On the issue of the application of a new preventive measure «prohibition of certain actions». In: *Criminal Proceedings in Russia: Problems and Prospects of Development*. St. Petersburg; 2020. (In Russ.).
- Fedyunin AE, Peretyatko NM. Issues of improving legal policy in the field of application of the prohibition of certain actions as a measure of restraint in criminal proceedings. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 2023;1:172-180. (In Russ.).
- Grebneva NN. Prohibition of certain actions: theoretical and practical aspects. *Proceedings of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Law Academy*. 2021;4(50):116-119. (In Russ.).
- Grichanichenko AV. Prohibition of certain actions and house arrest. *Criminal Law*. 2019;6:97-103. (In Russ.).
- Kharatishvili AG, Proshutinskaya AA. Prohibition of certain actions: two years of the new measure of restraint. *Pravda i zakon*. 2020;1(11):39-46. (In Russ.).
- Khatuaeva V, Rostovskaya TK (eds.). Prohibition of certain actions is a novel in the system of preventive measures. *Zakonodatelstvo*. 2019;8:82-85. (In Russ.).
- Kolpakova LA. Some procedural issues related to the enforcement of restrictive measures in the form of prohibition on certain actions, house arrest, and bail in the work of probation inspectorates. *Penitentiary Science*. 2021;15(1(53)):62-73. (In Russ.).
- Kostenko DS. Application of preventive prohibitions of certain actions in the investigation of crimes related to illicit drug trafficking. In: *Actual problems of combating crime: Issues of theory and practice. Proceedings of the 24th International Scientific and Practical Conference*. Krasnoyarsk; 2021. (In Russ.).
- Ksenzov YuYu. Preventative measures in form of a restriction of certain actions, collateral, and house arrest: questions of their correlation and practices of application. *Law and Politics*. 2020;8:67-84. (In Russ.).
- Litvin LM. Banning certain actions: a step forward. *Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;11(4(42)):514-518. (In Russ.).
- Markovicheva E Rostovskaya TK (eds.). Transformation of house arrest as a preventive measure in the Russian criminal process. *Pravosudie*. 2023;3:23-26. (In Russ.).
- Muravyov KV. Measures of procedural coercion — special means of criminal legal influence: doctrine, application, optimization. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2017. (In Russ.).
- Ramazanov TB, Kerimova ER. Some theoretical and practical issues of applying the prohibition of certain actions in criminal proceedings. *Legal Bulletin of Dagestan State University*. 2022;42(2):172-176. (In Russ.).
- Rudakova SV. Restriction of the constitutional rights of the suspect and the accused when choosing a preventive measure — prohibition of certain actions. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*. 2021;14(1):155-161. (In Russ.).

Shigurova EI, Shigurov A Rostovskaya TK (eds.). Theoretical and practical problems of the application of the prohibition of certain actions in the Russian criminal process. *Probely v rossijskom zakonodatelstve*. 2021;14(4):318-322. (In Russ.).

Udovichenko VS, Sorokina SA. Prohibition of certain actions: current problems of theory and practice. *Altai Law Journal*. 2022;2(38):125-130. (In Russ.).

Vilkova TYu. The secret of correspondence, telephone and other conversations, postal, telegraph and other messages in criminal proceedings: legal basics, maintenance, warranty. *Russian Justice*. 2014;10:44-47. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стедьмах Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева д. 21, Комсомольская ул., г. Екатеринбург 620137, Российская Федерация
vstelmah@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Yu. Stelmakh, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
vstelmah@mail.ru

Материал поступил в редакцию 8 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 12 мая 2024 г.

Принята к печати 15 июля 2024 г.

Received 08.04.2024.

Revised 12.05.2024.

Accepted 15.07.2024.